

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Одной из сторон интересной и сложной проблемы взаимоотношения сознания и мышления с языком и речью, проблемы, имеющей большое теоретическое и практическое значение, является вопрос о связи языка и мышления в условиях многоязычия.

Как известно, в общем виде эта проблема получила свое марксистское разрешение в положении о единстве языка и мышления. Рассмотрение природы языка с учетом факта неразрывной связи языка и мышления позволяет нам сделать ряд важных выводов относительно того, как надо понимать положение о единстве языка и мышления при двуязычии или многоязычии.

Д у м а т ь (мыслить) можно только на определенном языке. Кто знает только один язык, тот думает только на этом языке, а кто говорит на нескольких языках, тот думает на этих различных языках в зависимости от того, кто именно является его мысленным собеседником. Этот вывод может быть подтвержден не только теоретическими соображениями, но и в результате самонаблюдения людей двуязычных или многоязычных, а также и косвенным путем, посредством наблюдения над такими лицами.

Как известно, процесс мышления протекает в форме так называемой внутренней речи. Внутренняя речь отражает различные конкретные ситуации речевого общения людей. При знании только одного языка ситуативный характер внутренней речи не так ярко проявляется, но все же может быть хорошо прослежен в выборе различных речевых стилей этого языка, в частности также и в отборе языковых средств от чисто диалектных до вполне литературных. Выбор языковых средств прочно ассоциируется с определенной ситуацией речевого общения.

Подтвердим сказанное некоторыми конкретными примерами. В тюркских деревнях Томского района происходит любопытная смена языка: старое томско-тюркское наречие абorigенов, относившееся к западносибирской группе тюркских языков, вытесняется татарским языком, который выступает здесь в положении литературного. Носители старого наречия, старшее поколение, разговаривают между собой, пользуясь еще старым наречием, в речевом же общении с молодежью или с чужими те же люди пользуются довольно чистым татарским языком, сохранившим только отдельные особенности старого наречия. Наши наблюдения показывают, что и внутренняя речь у этих людей развертывается не на диалектной основе, то на литературной.

Нам много раз приходилось наблюдать речевое общение в условиях двуязычия (русский язык+немецкий, русский язык+тюркский, русский язык+селькупский, русский язык+эвенкийский). Оказывается, у двуязычных людей внутренняя речь развертывается не на родном, то на другом языке, в зависимости от ситуации ее развертывания. Особенно интересны в этом смысле случаи полной смены языка, например смены чулымско-тюркского языка на русский. Старшее поколение пользуется в общении между собой чулымско-тюркским языком, молодежь — русским; но в общении с молодежью старшие тоже пользуются русским языком. Двуязычность старшего поколения отражается во внутренней речи.

Автор часто наблюдал явление развертывания мысли на разных языках и диалектах на себе самом. Выбор языка для развертывания мысли определяется обычно не только мысленным собеседником, но и сферой применения данного языка или диалекта. Так, например, чем более абстрактным становится содержание мысли, тем больше шансов, что она будет развертываться не на диалекте, а на литературном языке — национальном или русском. Это объясняется тем, что языковая система диалекта не дает таких готовых возможностей выражения, какие заключены в литературном национальном или литературном русском языке. Кроме того, разговор на такие абстрактные темы происходит обыкновенно в условиях, которые и без того требовали бы применения литературного национального или литературного русского языка.

Некоторые языковеды и методисты склонны рассматривать процесс мышления и речи, при пользовании несколькими языками, не единым, а двух- или многоступенча-

тым; мысли при активной речи возникают будто бы сперва на базе родного языка и лишь после этого как бы перебазируются на другой, чужой язык, а при рецензивной речи (т. е. при слушании) мысли понимаются только при условии замены чужого языка родным.

Необходимо подчеркнуть, что во всех наблюдавшихся случаях двуязычия в нормальных условиях естественного речевого общения нельзя было заметить двуступенчатости в процессе мышления часто уже потому, что такая двуступенчатость вообще невозможна: национальным литературным языком или языком русским пользуются в этих случаях потому, что на диалекте или на своем национальном языке соответствующие мысли из-за отсутствия готовых адекватных средств трудно выразить. Следует добавить, что элементов «перевода» с литературного языка на свой родной диалект или с русского языка на свой родной язык обычно нельзя заметить и при наличии готовых адекватных средств выражения (не считая, разумеется, перевода слов или выражений для первоначального осмысления чужого непонятного слова). Даже при очень слабом владении чужим языком говорящий старается избежать подобной ненужной операции, тормозящей процесс общения. Поэтому моментов перевода нет также и во внутренней речи. Все сказанное объясняет тот факт, что, зная в совершенстве два языка, часто затрудняешься в переводе отдельных слов или выражений с одного языка на другой, если до этого не было специальной тренировки в переводе, в результате которой искусственно создаются непосредственные связи между словами-эквивалентами разных языков.

Возникновение внутренней речи на основе чужого языка вообще не предполагает, как некоторые думают, предварительной, очень длительной тренировки, а только наличие особой мысленной ситуации, требующей применения этого языка. Сколько раз приходится наблюдать, что в речевом общении пользуются даже языком, которым слабо владеют, если обстоятельства вынуждают применять именно этот язык. Новые слова в таком случае очень быстро переходят из пассивного запаса в активный. Процесс перехода слов из пассивного запаса в активный является длительным только при отсутствии практической нужды в них. В практике преподавания часто приходится убеждаться в том, что ученики или студенты, даже при посредственном знании иностранного языка, наталкиваются на значительные затруднения в подборе слов и выражений на своем родном языке, когда у них выработалась привычка с данным лицом (например, преподавателем) говорить только на иностранном языке.

Приведенные факты и теоретические соображения позволяют нам сделать вывод, что единство языка и мышления представляет собой единство мышления и о д н о г о определенного языка только при одноязычии; при многоязычии положение о единстве языка и мышления следует понимать как единство мышления и одного из языков, которым соответствующий человек владеет. Следует заметить, что мысли, конечно, не могут возникнуть и существовать о д н о в р е м е н н о на основе двух языков, но они возникают и существуют в мозгу одного и того же человека п о п е р е м е н н о на основе нескольких языков.

Рассмотренный нами вопрос тесно связан с другим, разрешение которого имеет важное значение, а именно, с вопросом о том, как следует понимать положение о единстве языка и мышления в условиях национального многообразия языков.

Разработка этого вопроса имеет длинную историю, на которой мы не можем здесь останавливаться. Для нас важно только отметить, что многие современные языковеды, неправильно толкуя различные языковые факты, постулируют единство мышления и языка только как единство мышления и одного определенного (родного) языка. При этом отождествляют язык и мышление и сводят к своеобразию каждого отдельного языка, эти языковеды говорят, что единство человеческого мышления не существует, а что человеческое мышление существует только в национально ограниченной форме. Сравнивая значение некоторых слов и грамматических категорий в различных языках, сторонники подобных взглядов приходят к выводу, что один из этих языков нередко отмечает без всякой надобности детали, которые в другом языке отмечаются только при наличии необходимости, что один язык «подкапывает» своим словом наиболее обобщенное понимание соответствующего факта действительности, в то время как другие языки отводят от этого наиболее обобщенного осмысления. Так, например, природа слов *savoir*, *connaître* во французском языке или *wissen*, *kennen* в немецком якобы затрудняет образование на базе этих языков понятия «знание вообще». Неправильно толкуя факты различного оформления мысли в разных языках, эти исследователи доходят до признания различия самих мыслей в зависимости от строя языка, до признания определенных границ для мышления, устанавливаемых языком; они утверждают, будто бы структура языка не дает возможности замечать известные моменты действительности, а различные языки наталкивают людей «на образование не вполне одинаковых мыслей», что приводит их к разной классификации элементов действительности.

Мы считаем, что если народы, языки которых сравниваются, достигли одинаковой ступени культурного развития в соответствующих областях, то их понятия, являющиеся отображением относящихся сюда предметов или их взаимосвязей, никакого различия не будут иметь, как бы велики ни были расхождения в их языке.

Указанные выше ошибки имеют своим источником отождествление семантики словарных единиц языка и его грамматических форм мышлением. Правда, необходимо признать, что семантика языка имеет большое значение для возникновения и развития мысли. Та или иная конкретная мысль об определенном предмете или отношении возникает у человека в результате сложного процесса отражения в его сознании соответствующих элементов действительности и знания семантики определенных единиц языка, в которой отразилась и закрепилась познавательная работа предыдущих поколений, их опыт и практика в обмене мыслями посредством языка¹. Но только с большой натяжкой можно говорить о том, как это иногда делают, что семантика оформляет мысль; а уже совершенно неправильно было бы говорить, что семантика содействует определенному строению мысли, установлению определенных ее границ. Дело в том, что не все, что содержится в языковой единице, составляя ее внутреннюю сторону (семантику), является целью или предметом сообщения. В содержании многих слов и грамматических категорий можно выделить, как мы увидим дальше, помимо вещественного значения и такое, которое имеет чисто формальный характер. Так как в этих случаях семантика используется только как форма, то такое значение часто называется (вполне уместно!) внутренней формой слова или грамматической категории. Особенность внутренней формы слова или грамматической категории состоит в том, что она не является ни целью, ни предметом сообщения и поэтому может даже полностью отсутствовать.

Возьмем пример. Лексическое значение слов: русского *семьдесят пять* и французского *soixant-quinze* — одно и то же, но различной является их внутренняя форма: *семьдесят-пять*; *шесть-десять-пятнадцать*. Здесь можно говорить о различном оформлении мысли. Однако различие в оформлении мысли заключается не в различном строении понятия числа, а только в различном выборе признака для его наименования. Насколько мало существенны такие признаки в названиях чисел видно из того, что они обычно не замечаются даже тогда, когда их строение противоречит построению счетных приборов или наборного механизма телефона.

Другой пример. Русскому выражению *ему пошел шестой десяток* соответствует в немецком языке выражение: *er ist in den fünfzigern*. Оба выражения обозначают один и тот же возраст, но в немецком языке с использованием числительного *пятьдесят*, а в русском — с использованием числительного *шестой* (десяток). Внутренняя форма этих выражений различна. Однако это различие, конечно, не может навести на мысль русского человека, для которого это выражение подходит, что он старше своего одноклассника-немца только потому, что русское выражение «звучит» старше.

Сущность внутренней формы применительно к названиям хорошо характеризуется в следующей цитате, приводимой В. И. Лениным: «Что же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его целостности»².

Национальное своеобразие внутренней формы слова отражает, конечно, специфику общественного опыта данного народа в его конкретной истории, но следует отметить, что выбор признака обыкновенно является в большей или меньшей степени произвольным и часто не имеет принципиального значения³. Правда, мы можем говорить о более удачной или менее удачной внутренней форме смотря по тому, является ли признак, положенный в основу наименования, более или менее существенным свойством предмета.

Следует признать, что множество слов имеет очень удачную внутреннюю форму, например, русские слова *малочитающее*, *сражен*, *водоотражающее*, *пятилетка*. Немецкое слово *Bewusstsein* «сознание» содержит прямое указание в своем составе на то, что сознание — это осознанное бытие. Надо, однако, сказать, что конкретное смысловое содержание внутренней формы в известных пределах остается безразличным; мы пользуемся нередко даже словами, в основе которых лежит признак случайный и несущественный или даже неверный, основанный на неправильном понимании предмета или явления в прошлом (ср., например, *восход*, *заход* солнца). Дело, однако, никогда не доходит до того, чтобы внутренняя форма слова приводила к установлению определенных границ для мысли. Если говорящий резко ощущит противоречие между внутренней формой слова и его лексическим значением, то такое слово заменяется новым словом; если же это противоречие особенно резко не выступает, тогда говорящий не

¹ Ср. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, О лингвистических основах преподавания иностранных языков, «Ин. яз. в шк.», 1954, № 3, стр. 43.

² См. В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 320.

³ Ср. Л. А. Булаховский, Введение в языковедение, ч. II, М., 1953, стр. 10.

обращает внимания на внутреннюю форму и забывает ее (ср., например, *столляр* — делающий столы; *плотник* — делающий плоты; *гражданин* — житель города) — происходит деэтимологизация слова. Забвению старой внутренней формы, которая стала рассматриваться как неправильная или неуместная, способствует разрушение старой внешней (звуковой) формы слова, являющейся носителем этой внутренней формы. Так, например, *масло*, *мешок* потеряли свою связь с корнями *мазать* и *меш* совершенно. Как выяснено на многих примерах Л. А. Булаховским¹, условия для деэтимологизации особенно благоприятны, когда из употребления исчезает основное слово и остаются лишь производные (ср.: *окно* — *око*, *устье* — *уста*).

В каждом языке имеется множество слов с разрушенной или утерянной внутренней формой — разрушенной или утерянной потому, что она оказалась неправильной или неуместной. В таких словах, лишенных внутренней формы, лексическое значение выражено данным звуко сочетанием непосредственно. Надо думать, что наличие большого количества слов, лишенных внутренней формы и вследствие этого и з о л и р о в а н н ы х этимологически одно от другого, в какой-то степени усложняет процесс говорения и мышления. Поэтому мы наблюдаем случаи создания внутренней формы вновь, когда она почему-либо отсутствовала (явление э т и м о л о г и з а ц и и, или народной этимологии). Мы видим, таким образом, что внутренняя форма слова, представляя собой мотивировку названия, оказывается полезной не только для понимания предмета, но и для запоминания его названия. К дифференциации же самой мысли она не приводит.

Расхождение между различными языками нередко проявляется в том, что какое-либо понятие в одном языке получает свое выражение в особом слове, в то время как в другом языке такого слова может не быть. Например, в английском или во французском языке имеется особое слово для обозначения кисти руки: *hand/main*, а в русском языке такого слова не имеется, и поэтому русскому слову *рука* соответствует в английском и французском либо *hand/main*, либо *arm/bras*. Однако сделать отсюда вывод, что указанные языки, в силу именно э т о г о их своеобразия, выделяют разные объективно существующие моменты действительности и, таким образом, наталкивают людей на образование не вполне одинаковых мыслей, было бы неправильным. Дело в том, что оба осмысления того же самого факта действительности (верхней конечности): «объединяющее» (рука в целом) и «разделяющее» (передняя часть, кисть руки) русским языком одинаково обеспечиваются, несмотря на наличие одного только слова. Это видно из следующих примеров: *Он взял ребенка на руки*, *Отнялась правая рука* (здесь мы имеем дело, очевидно, с «объединяющим» осмыслением верхней конечности); *Снять с руки кольцо*, *Отроду не брал он карты в руки* («разделяющее» осмысление). Отсюда, кроме того, отнюдь не следует, что русское слово *рука* направляет наше внимание прежде всего на всю данную конечность как целое. Не располагая вообще особым словом для обозначения передней части верхней конечности человека, русский язык обозначает и то и другое одним и тем же словом *рука*, предоставляя слушателю вывести из контекста или ситуации, что именно конкретно имеется в виду; при наличии же особой необходимости слово *рука* для обозначения всей руки противопоставляется словосочетанию *кисть руки* для обозначения части ее.

В чулымско-тюркском языке нет особых слов, выражающих понятия «шерсть», «перо», «чешуя». Все эти понятия выражаются словом *тйгй*; это слово означает шерсть (точнее: «его шерсть»), оперение или чешую, смотря по тому, идет ли речь о кожном покрове птицы, рыбы или зверя. Вряд ли можно говорить здесь о том, что *тйгй* представляет собой более высокое обобщение, чем то значение, которое заключено в русском слове *перо*, *шерсть* или *чешуя*. В то же самое время отсутствие особых слов для выражения понятий «перо», «шерсть» и «чешуя» отнюдь не ведет к смешению этих понятий, к отступлению от правильного осмысления действительности. Различение понятий «чешуя», «шерсть», «перо» имеет для рыболовов и охотников огромное практическое значение, и поэтому они, не имея в своем языке соответствующих слов-наименований, умеют точно определить по клочкам шерсти, перьям или чешуе, когда они их находят, вид животного, которому они принадлежали.

Приведем еще другой пример. В немецком языке (как и во многих других языках) отсутствует специальное слово для обозначения суток. Но сделать отсюда вывод, что язык этим самым затруднит наиболее обобщенное осмысление данного промежутка времени, было бы неправильно. При наличии особой необходимости сутки могут быть обозначены словосочетанием *Tag und Nacht* «день и ночь», *24 Stunden* «24 часа» и другими способами. Обычно же значение, заключенное в слове *сутки*, передается словом *Tag*; например: *Der Tag hat 24 Stunden* «Сутки имеют 24 часа»; *Er lebte danach nur noch drei Tage* «Он прожил после этого только трое суток». Надо сказать, что и в русском языке, имеющем особое слово для выражения «целого» (*сутки*), вовсе не всегда употреб-

¹ См. Л. А. Булаховский, Деэтимологизация в русском языке, «Труды Ин-та русского языка», т. I, М—Л., 1949.

ляется именно данное слово; часто в этом значении применяется слово *день*: В январе 31 день; Он пять дней болел.

В подобных случаях, когда слово с более узким значением (*Tag* «день») функционирует в языке в значении более широко (*Tag* «сутки»), можно рассматривать первое значение как внутреннюю форму для второго, и тогда вопрос о расхождении между языками сводится опять-таки к расхождению во внутренней форме слов, как и в предыдущем случае. Интересно при этом отметить, что такая внутренняя форма, полученная на основе прежнего лексического значения слова, может остаться живою, как в приведенном примере, или же не осознаваться больше, как, например, в выражении *пять лет*.

Последний пример показывает также, что два слова могут различаться по своей внутренней форме и в своем употреблении (*один год, одного года, два года, двух лет, пять лет, к пяти годам*), имея совершенно одинаковое лексическое значение (промежуток времени в 12 месяцев). Такие случаи могут затруднять усвоение данного языка, но не дают никакого основания говорить о различном содержании мысли. Отметим между прочим, что и древненемецкий язык мог обозначать год словами, выражавшими фактически только его часть. Ср., например, в песне о Гильдебранде: *Ih wallôta sumaro enti wintro sehstic ur lante* «Я странствовал 60 зим и лет за рубежом». Мы имеем здесь дело не с разным осмыслением действительности, а с различными способами выражения одного и того же понятия времени (*год*).

Другой случай расхождения языков, обусловленный их национальным своеобразием, может заключаться в том, что каждый из этих языков имеет свое особое слово для известного понятия, но объем лексического значения данных слов не совпадает. Так, например, русскому *иди* может соответствовать в немецком *geh*, в алтайском *бар*. Однако значение этих слов не совпадает. Русское *иди* предлагает слушателю отправиться пешком, но не указывает, в каком направлении; немецкое слово *geh* обозначает то же самое, но указывает еще направление, а именно: в сторону, пр оч ь от говорящего; алтайское слово сходится с немецким в том отношении, что указывает то же самое направление, но, в отличие от русского или немецкого слова, не дает указания насчет способа передвижения: *отправляйся* (пешком ли, на телеге, на лодке — безразлично). Само собой разумеется, что реальная действительность осмысливается говорящим во всех этих случаях одинаково точно, независимо от языка, на основе которого происходит это осмысление. Кроме того, следует подчеркнуть еще, что если известен контекст или ситуация, всегда возможен точный перевод, т. е. точная передача содержания мысли с одного языка на другой. Отсутствие в русском или немецком языке такого обобщающего слова, как *бар* «идти, ехать», не лишает нас возможности иметь и выразить соответствующее понятие, подобно тому как человек, говорящий на французском или немецком языке, может легко мыслить и выразить знание «вообще», несмотря на то, что в этих языках лексически дифференцируются два вида знания: *savoir/wissen, connaître/kennen*.

Приведенное выше алтайское слово *бар* «иди (туда)» имеет свой полный антоним в слове *kel*, которое может означать в русском «иди (сюда)». В немецком языке этому слову *kel* соответствует слово *komm*, которое, однако, не является полным антонимом упомянутого выше немецкого слова *geh*, потому что означает передвижение не только на ногах, но и другими способами. Русское *иди* в зависимости от контекста может иметь два противоположных значения, одно из которых точно совпадает с немецким («иди туда» = *geh*); но ни одно из обоих значений русского слова *иди* точно не совпадает (вне контекста) с алтайскими словами *бар* и *kel*.

Имеется немало других случаев расхождения семантики слов в различных языках. Очень часто при этом бывает так, что эквивалентность слов и выражений является односторонней, т. е. необратимой. Так, например, русскому слову *трубка* может соответствовать в немецком языке иногда *Pfeife* («курительная трубка»); иногда же и *Rohr* («медная трубка»). Если же мы возьмем слова *Pfeife* или *Rohr*, то увидим, что им в русском языке в тех или иных случаях соответствуют разные другие слова, а не слово *трубка*; русское слово *трубка* является эквивалентом только для одного из различных лексических значений этих слов. Совершенно очевидно, что обобщение, которое содержится в русском слове *трубка*, не является вместе с тем обобщением того, что содержится в немецких словах *Pfeife* и *Rohr*, поскольку *камыш, ствол, чубук, паровозный свисток, дудка* и т. д. по-русски *трубкой* не называются. Все это можно изобразить схематически (см. схему на стр. 84).

К сказанному необходимо добавить еще, что не следует смешивать обобщение, содержащееся в словах языка («значение»), с понятием. Понятие становится четко отрабатанным при наличии определения, т. е. выраженного особым предположением суждения, в котором указывается ближайший род (или класс) предметов, куда относится данный, и перечисляются его существенные отличительные признаки. Лексическое значение слова совпадает с понятием только у терминов, т. е. у таких слов, которые выражают четко определенные понятия. Отсюда вытекает между прочим, что все понятия, которыми мы располагаем, существуют в речи; огромные фонды понятий, не-

объятные для одного человека, заключены в произведениях письменности; другие же, гораздо менее обширные, существуют в психике людей, а именно: в речевых произведениях или отрезках речи, отложенных в их памяти.

Надо признать, что семантика слов и грамматических форм в различных языках, пожалуй, чаще всего (это зависит от степени родства языков) в чем-нибудь различается.

Бывает так, что в двух языках соответствующие слова, обозначая одно и то же понятие, сходятся даже по своей внутренней форме, но все же слова эти оказываются различными из-за различия их сочетаемости. Так; например, русскому слову *кусочек* соответствует в немецком языке как по лексическому, так и по этимологическому значениям слово *bisschen*. Однако их употребление неодинаково, потому что русское слово сочетается только с названиями твердых предметов, в то время как немецкое *bisschen* сочетается с любым словом (*ein bisschen Wasser* = *кусочек воды*, *ein bisschen Geduld* = *кусочек терпения*). Ограничение диапазона употребления слова (ограничение его сочетаемости) имеет свои особые причины, на которых мы не останавливаемся. Для нас здесь важно только отметить, что ограничение сочетаемости может быть связано с лексической дифференциацией одного и того же понятия (*кусочек сахара*, *капля воды*, *немного радости*), которая отражает конкретное осмысливание малого количества. Но язык не навязывает человеку такое осмысливание; это видно из того, что в случае необходимости он предоставляет человеку средства для обобщенного осмысливания (ср.: *немного сахара*, *немного воды*, *немного радости*). Анализ различных случаев расхождения семантики слов в разных языках убеждает нас в том, что это расхождение не является расхождением мышления. То же самое относится и к грамматическим формам (и даже в еще большей мере вследствие высокой степени их абстрактности).

Такие специфические особенности языков говорят не о различном осмысливании людьми действительности, а только о различном оформлении и этого осмысливания средствами языка. Все эти внутренние особенности языков, названные К. Марксом «духом» языка¹, связаны с мышлением, но не составляют его содержания.

А. П. Дульзон

КОНВЕРСИЯ В СОВРЕМЕННОМ МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ

Словарный состав языка находится в процессе непрерывного движения. Одни слова появляются, другие исчезают. В результате непрерывного изменения некоторые слова претерпевают ряд фонетических и морфологических преобразований.

Аффиксы как словообразовательные элементы играют одну из главных ролей в обогащении молдавской лексики. Так, посредством суффикса *-tat-e* из прилагательных образуется целый ряд существительных с абстрактным значением (*дрепт* «справедливый» — *дрептате* «справедливость»; *ноу* «новый» — *ноутате* «новость» и др.). Такой способ образования слов является весьма продуктивным в современном молдавском языке. Префикс *дис-*, *диа-* придает некоторым глаголам противоположное значение по сравнению со значением бесприставочного глагола (*а коасе* «шить» — *а дискоасе* «распарывать, отпарывать»; *а компуне* «составлять» — *а дискмпуне* «разлагать на состав-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избр. произведения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 212.